

Ли Ацяо зорко поглядывала по сторонам, умудряясь одновременно и ноги мять, и клиентов зазывать.

— Живот болит — дело житейское, чего тут такого... Ой... Ай! Посмотри, сколько народу, иди лучше клиентов обслужи! — Хо Чжун'эр от боли свернулась калачиком на стуле.

Ли Ацяо покачала головой и, крепче перехватив правую ступню Хо Чжун'эр, продолжила разминать:

— Массаж стоп полезен для здоровья, я же для тебя стараюсь. Мой учитель говорил: если уж взялся за дело — доводи до конца. У нас свои профессиональные правила.

Хо Чжун'эр была готова разрыдаться, простонала в отчаянии:

— Да кто твой учитель-то!

— Нельзя говорить. Как говорится, герой не спрашивает о происхождении, а тот, кто делает массаж стоп, не называет имени учителя.

— ...Да убей ты меня лучше!

В этот момент Су Ю поставила четвертую пустую миску на стопку посуды и с искренним участием обратилась к Хо Чжун'эр:

— Давай поговорим о Цюй Юане.

Она хотела отвлечь её внимание. Хо Чжун'эр действительно на секунду забылась:

— А кто такой Цюй Юань... А-а! Не буду больше!

В этот самый миг Ли Ацяо отпустила правую ногу и быстро, но точно перехватила левую.

— Сейчас это точка Цюсюй, она лечит беспокойство и суету. По твоему виду сразу понятно, что ты не в духе, надо хорошенько проработать.

— ...Почему у тебя от любой точки, которую ты мне мнешь, всё болит!

Ли Ацяо с жалостью посмотрела на Хо Чжун'эр и с важным видом истинного целителя изрек:

— Это значит, что здоровье у тебя ни к черту. Если не начнешь беречься, боюсь, долго не протянешь.

На Хо Чжун'эр был тонкий белый халат из бани, поэтому Ли Ацяо не могла понять, кто она такая. Видя её бледное, изможденное лицо, она решила, что та, должно быть, настолько бедна, что даже поесть не на что, вот и здоровье такое слабое.

Су Ю, решив, что Ли Ацяо перегибает палку, и опасаясь, что Хо Чжун'эр станет совсем неловко, поднялась и пошла к стойке заказать ей порциюпельменей. Когда она вернулась, Ли Ацяо как раз закончила. Хо Чжун'эр, похожая на замученную обезьянку, сжалась на скамье, накрыв ступни краями халата.

Ли Ацяо повернулась к Су Ю:

— Теперь твоя очередь.

— Нет-нет, — Су Ю, аккуратно неся пельмени, затрясла головой: — Я знаю, что со здоровьем у меня не всё в порядке, но массаж мне не нужен!

— Оу. — Ли Ацяо с сожалением вздохнула и пошла мыть руки. — ...Там освободилось! Там освободилось!

Хо Чжун'эр украдкой оглянулась, дождалась, пока Ли Ацяо уйдет, и, обхватив колени руками, села прямо. Су Ю протянула ей пельмени. Та взяла их и, даже не макая в уксус, принялась запихивать в рот один за другим. Съев всего несколько штук, она вдруг разрыдалась.

Су Ю испугалась:

— Так больно? До слез прямо...

— Нет... — Хо Чжун'эр вытерла глаза и, всхлипывая, продолжила жевать: — Раз я такая болезненная, значит, жить мне осталось недолго. Если у меня появится милый, а я умру первой, что же он будет делать...

Су Ю моргнула, ошарашенно пробормотав:

— Ты так далеко заглядываешь...

— Угу... Так грустно... Будь добра, передай уксус.

Ли Ацяо, наливавшая чай неподалеку, увидела, как Хо Чжун'эр плачет над пельменями, и её

сердце преисполнилось сочувствия: бедняжка, даже пельменей пожалела, от жадности к деньгам плачет. Эх... безденежье — тяжкая ноша. Она решила подойти к ней. Только Ли Ацяо приблизилась, как Хо Чжун'эр снова обхватила ноги, глядя на неё покрасневшими глазами:

— Чего тебе? Если опять полезешь — я с тобой насмерть драться буду...

Ли Ацяо покачала головой, поставила чайник на пол и сказала:

— Когда будешь расплачиваться, не говори, что тебе делали массаж стоп. Сэкономь пару монет, купи лучше еды. Считай, что это от меня.

— А... — Хо Чжун'эр растерялась: — Как... как же так можно?

— Да брось, — Ли Ацяо широко улыбнулась, словно цветок персика расцвел: — Мы все бедные, чего стесняться. Мы же теперь подельники по несчастью, в следующий раз придешь — вообще денег не возьму.

Сказав это, она подхватила чайник и пошла к другим клиентам.

Су Ю посмотрела на Ли Ацяо, потом на Хо Чжун'эр, в недоумении пробормотав:

— Честно говоря, я ничего не поняла.

Но Хо Чжун'эр уже не слышала Су Ю. Она смотрела вслед Ли Ацяо и бормотала:

— Необработанный нефрит в груди камней, истинная красота без прикрас! Такая красавица — и прозябает в бане...

— Э? — Су Ю удивилась еще больше: — Ты про эту лучшую массажистку Юйфэна?

— А что такого в массаже стоп? Это честный труд!

Наступила ночь, ветер завывал не на шутку. Без теплого кана спать было невозможно, без жаровни — ужасно холодно. В маленькой мастерской семьи Су не было окон, разводить огонь было опасно, поэтому Су Ю, укутавшись в теплую одежду, хмурилась при свете свечи, забыв о холоде.

Перед ней на столе лежали инструменты для лепки, на гончарном круге медленно вращался полуготовый глиняный чайник. Су Ю вытерла руки о фартук, взяла чертежи и принялась

сравнивать их с формой чайника. Долго думала, затем сложила руку ребром, как нож, и одним движением превратила почти готовое изделие в бесформенный ком глины.

— Фух... — Су Ю устало откинулась на спинку стула, испытывая странное замешательство. Форма, которую нарисовала Цай Сяовэнь, была невероятно сложной. Су Ю пыталась воплотить её весь вечер, но безуспешно. Помимо тончайшей резьбы, была там одна деталь — изогнутая перемычка между ручкой и корпусом, которая постоянно ломалась. Она пробовала несколько раз, и каждый раз — неудача. Давно ей не попадалось то, что она не могла сделать. Её мучил вопрос: а сможет ли сама Цай Сяовэнь это изготовить? По идее, если она такое нарисовала, то должна быть уверена. Но у Су Ю были все профессиональные инструменты, и то не получалось, а у Сяовэнь — только бамбуковые ножи да простейшие приспособления. Неужели она правда справится?

Размышления не помогали. Су Ю с досадой потерла глаза, потянулась за кремом для рук, чтобы попробовать еще раз. Только она открыла коробочку, как снаружи зазвенел колокольчик.

— Поздно уже, отдыхай. Лапша с соусом готова.

Су Ю облизнулась, в животе заурчало. Руки, пропитанные глиной и водой, почти онемели от холода. Она решила, что на сегодня хватит, завтра продолжит. Сложила инструменты, задула свечу, заперла мастерскую и вместе с Фэнлин пошла в дом.

Соус из рубленой свинины источал аппетитный пар. Су Ю добавила зелёного лука, кинзы, чеснока, залила всё щедрой порцией соуса, плеснула уксуса, добавила ферментированного тофу и кунжутного масла. Перемешала — и с наслаждением принялась за еду.

Фэнлин, перекусив нитку, сказала:

— Сегодня хозяин Чжао принес мне несколько глиняных крышек для банок, сказал, это тебе нужно. Я положила их на низкий столик.

— Угу... — пробормотала Су Ю с набитым ртом, добавляя еще уксуса.

— Зачем они тебе?

— Закрыть... проделать отверстия... глиняная сетка... чтобы задерживать чайные листья... — Су Ю проглотила лапшу и пояснила: — Хочу попробовать использовать глиняную сетку с дырочками. Посмотрим, справится ли она.

— Понятно. — Фэнлин не интересовалась гончарным делом и снова уткнулась в рукоделие. Но следующая фраза Су Ю заставила её оживиться: — Знаешь, Цай Сяовэнь, похоже, собирается стать официальным мастером.

Фэнлин подняла голову:

— Разве официальный мастер — не ты?

Су Ю рассмеялась:

— Может, в Юйфэне будет два официальных мастера. Я показала господину Чжоу чайник в форме поросенка. Он как раз искал что-то оригинальное, чтобы задобрить принцессу, и увез его в столицу. Принцесса недовольна исинской керамикой. Если ей понравится мой поросенок, то включение Цай Сяовэнь в число официальных мастеров вполне возможно.

Фэнлин нахмурилась, она не была так оптимистична:

— А с чего ты взяла, что её добавят, а не заменят тебя ею?

— Э? — Су Ю замерла, но тут же улыбнулась и потянулась за добавкой: — Да ну, не может быть...

— Кто будет официальным мастером — решает одно слово принцессы. Нынешние принцы либо умерли в детстве, либо еще совсем малы, а эта дочь у императора единственная выжившая, говорят, он души в ней не чает.

— М-м... — Су Ю уткнулась в миску, невнятно пробормотала: — Тогда пойду к семье Цай на год на довольствие, буду отрабатывать едой, чтобы хоть как-то утешить свое разбитое сердце. — Она вдруг замолчала, испугавшись собственных мыслей: «отрабатывать едой»... Тьфу, это про свинину, про свинину же! Внутри неё робко пискнул голосок: «комариное мясо...» Су Ю яростно возразила самой себе: «Какое еще комариное? Свинина, курица, говядина, баранина!»

— Разбитое сердце... — Фэнлин поморщилась, словно её затошнило: — Если потеряешь звание — сама будешь виновата!

Если Фэнлин окажется права, то Су Ю действительно будет сама виновата. Как наследница семьи Су, она должна была соперничать с младшей сестрой по ремеслу Цай Сяовэнь. Но вместо этого она всеми силами пыталась проложить той путь к вершине. С такой нелепой позицией исход конкурса в следующем году был непредсказуем.

— Кстати, — Су Ю, похоже, не беспокоилась о звании. Она вытащила из пояса маленький серебряный слиток и протянула Фэнлин: — Сегодня я ходила на юг города, в ту лавку, где в прошлый раз не заплатила за вонтоны. Хозяйка сказала, что Цай Сяовэнь уже прибежала, извинилась, бросила серебряный слиток и убежала. Она просила вернуть деньги. Я завтра занята, сходи, пожалуйста, ты. И зонт тоже верни.

На следующее утро, когда Фэнлин пришла к Цай, мастер Цай как раз причитал:

— Почему опять булочки с луком и тофу?! А где мясо? Где мясо?!

— Съели. — Свиная, которая была в запасе у семьи Цай, почти вся ушла в желудок Су Ю.

— Съели! — Мастер Цай чуть не раздавил булочку в руке. — Танъюань же покупала полтуши свиньи! Прошло меньше трех дней, и всё съели?!

Цай Сяовэнь, жуя булочку и запивая тофу, ответила с невозмутимым видом:

— Съели. Не верите — ищите. Найдете хоть кусок — буду сегодня Танъюань ноги мыть.

Танъюань, услышав это, поспешно отказалась:

— Не надо, я сама помою.

— Эй, еще и привередничаешь.

Мастер Цай не стал слушать их перепалку, настаивая на своем:

— Вы же вдвоем с Су Ю ели! Как можно было столько мяса сожрать?! Вы что, всю улицу пригласили на пир?

— Это всё потому, что старшая сестра... — Цай Сяовэнь замялась.

— Что с Су Ю?

— Ничего... — Она решила хранить секрет Су Ю. — На самом деле мы не покупали так много мяса... Не верите — спросите Танъюань. — Цай Сяовэнь не умела врать и попыталась переложить ответственность на Танъюань, отчаянно подмигивая ей. Но Танъюань даже не взглянула на неё, сразу ответив: — Да, не покупали. Хозяин, вы, должно быть, ошиблись.

Умница... Цай Сяовэнь продолжала корчить рожи, пытаясь похвалить Танъюань. Та краем глаза заметила это и поспешно уставилась на складки булочки.

Раз уж Танъюань подтвердила, мастер Цай отступил, хотя сомнения остались. В этот момент Фэнлин постучала в дверь. Танъюань удивилась:

— Ты чего пришла?

Фэнлин поклонилась мастеру и Сяовэнь, достала серебряный слиток:

— Это просила передать моя госпожа. Хозяйка лавки вернула деньги, так как Су Ю уже заплатила за вонтоны. И вот зонт.

Цай Сяовэнь взяла деньги и зонт, её лицо вдруг омрачилось, она тихо спросила:

— А почему она сама не пришла...

— М? Что?

Цай Сяовэнь покачала головой и молча вернулась к столу. Мастер Цай сказал:

— Фэнлин, оставайся на обед. Правда, у нас только булочки с луком и тофу. Танъюань, не суетись, иди ешь.

Фэнлин попрощалась и вместе с Танъюань пошла на кухню. Едва закрыв дверь, Фэнлин придвинулась к Танъюань, хитро улыбаясь:

— Маленькая Танъюань, лу-лу-лу-лу!

Танъюань подцепила булочку из пароварки и ловко запихнула её в рот Фэнлин.

— М-м... горячо! — Фэнлин укусила булочку, обожглась, и та запрыгала в руках. Танъюань, не проявляя жалости, пододвинула ей табурет и повернулась к плите: — Сейчас каши налью.

— Вкусная булочка... Зимой лук — редкость. Сяовэнь — большая молодец. — Наедине они называли хозяек по именам. Танъюань накрыла стол: булочки, тофу, маринованная редька и каша из красных фиников — вот и весь обед.

Фэнлин обмакнула кусочек тофу в кунжутное масло и, не съев сама, положила в миску Танъюань, спросив:

— Устала за эти дни?

Танъюань помешала кашу, выловила все финики и переложила их Фэнлин. Фэнлин закусила губу, пытаясь капризничать:

— Не хочу столько фиников...

— У тебя малокровие, финики полезны. — Танъюань посмотрела на неё своими большими глазами на круглом личике.

— Но я их не люблю...

— Не любишь — всё равно ешь. Давай.

— Есть... — Фэнлин послушно съела все финики, выплюнув косточки.

Танъюань, убедившись, что та всё съела, ответила на вопрос:

— Не устала. Готовить почти не приходится, еда простая. Твоя госпожа съела всю свинину, что я покупала. Наша Сяовэнь теперь подумывает перейти с двухразового полноценного питания на жидкую кашу.

Фэнлин вытаращила глаза:

— Хоть она и любит поесть, но не до такой же степени! Дома она столько не ест!

Танъюань слегка улыбнулась, её выражение лица совсем не походило на обычное простодушное:

— Это зависит от того, кто готовит, и с кем ты ешь. — Оказалось, что мысли и тревоги Су Ю были понятны не только Фэнлин, но и Танъюань.

Услышав это, Фэнлин тяжело вздохнула:

— Су Ю молчит, Сяовэнь не понимает. Как думаешь, есть у них шанс? — Фэнлин, хоть и была старше, в трудных ситуациях всегда советовалась с Танъюань.

Танъюань встала, взяла кастрюлю и добавила Фэнлин еще каши, не забыв про финики. Фэнлин попыталась увернуться, но под взглядом Танъюань замерла. Танъюань накладывала по две штуки, приговаривая:

— Су Ю так решительно отказала тому богатому купцу, значит, она прекрасно знает, чего хочет. Если только Сяовэнь не выдадут замуж за какого-нибудь добряка, она дождетя. Просто время еще не пришло.

«Добряк»... Фэнлин дернула уголком рта, глядя на проницательную Танъюань:

— А Су Ю еще говорила, что я похожа на твою старшую сестру... Кажется, только я одна знаю твое истинное лицо.

Танъюань улыбнулась и запихнула Фэнлин в рот еще одну булочку:

— Пойми, в мире сложно разобраться, а в людях — еще сложнее... Но я обычно такая, какая есть. Если обо всём на свете так глубоко думать, с ума сойдешь.

— Жаль, что даже если мы всё видим, помочь им не можем.

— М-м... В таких делах помощь со стороны только всё портит. Они должны сами до всего дойти. Либо сдаться, либо идти до конца. Кстати, ты хочешь, чтобы у них всё получилось? Ведь это против всех правил. Если мои хозяева или твоя госпожа узнают — они с ума сойдут.

— ... — Фэнлин задумалась и вздохнула: — Я хочу, чтобы Су Ю была счастлива.

Танъюань кивнула, доедая кашу:

— Фух... не думай об этом, голова заболит.

— Кстати, — Фэнлин взяла еще булочку, вспомнив про официальное мастерство Сяовэнь, — если Сяовэнь правда станет официальным мастером, она ведь обрадуется?

— Пф-ф... — Танъюань рассмеялась, пытаясь слизать рисинку с уголка губ: — Спорим, она обидится на Су Ю за то, что та отдала её чайник-поросенка другим!

— Ха-ха... — Фэнлин захлопала в ладоши, ей стало жалко Су Ю: — Тогда моя Су Ю опять будет страдать. Давай поспорим: кто первый придет к кому?

— Спорим, что моя Сяовэнь первая не выдержит. Если выиграю я — следующей весной поедешь со мной на родину проводить родню.

— Идет. — Фэнлин согласилась без колебаний. — А если выиграю я?

— Тогда ты пригласишь меня навестить моих родных.

— А в чем разница?

— В том, кто за всё платит.

— М-м... — Фэнлин согласилась. Она доела булочку, вытерла рот и встала: — Мне пора. Су Ю еще голодная. — Уходя, она обернулась в дверях и хихикнула: — Маленькая Танъюань, я обычно наедаюсь тремя булочками, а сегодня съела четыре. Почему?

Танъюань простодушно улыбнулась, указывая на кастрюлю:

— В кастрюле еще полкастрюли фиников.

— ...Еще увидимся! — Фэнлин убежала. Танъюань убрала посуду и пробормотала сама себе: — Почему... это зависит от того, с кем ешь... лу-лу-лу-лу.

В итоге выиграла Танъюань. На следующее утро Цай Сяовэнь с кучей мыслей в голове отправилась к Су Ю. Она не признавалась себе, что соскучилась, придумав оправдание: мол, в тот день она ждала Су Ю, но вернулись отец и дядя, поэтому встреча не состоялась, и теперь у неё чувство незавершенности. Если она увидит Су Ю, то всё встанет на свои места. Она даже нашла повод: раз нельзя подсмотреть мастерство, то можно прийти и официально попросить совета у старшей сестры.

Но даже с таким благовидным предлогом Сяовэнь пришла не вовремя. Сегодня Су Ю было плохо. Не из-за болезни, а из-за женских дней. Вчера она весь день лепила чайник, но в холодном помещении, работая с глиной, простудилась, и сегодня её скрутило от боли. Ей пришлось остаться дома, даже лавкой занималась Фэнлин. Она надеялась проспать весь день, но визит Цай Сяовэнь вынудил её встать и через силу изображать бодрость.

А Цай Сяовэнь, у которой эти дни никогда не сопровождались болью, вовсе не могла понять страданий Су Ю.

<http://bllate.org/book/18936/1855603>